

А.А. Петров (Санкт-Петербург, Россия)

Герой-«гипохондриак» в ранних трагедиях А.П. Сумарокова

Аннотация: В статье рассматривается персонаж трагедии А.П. Сумарокова «Хорев» Кий – в контексте характеристики В.К. Тредиаковского, назвавшего его «гипохондриаком». Подобные черты отмечаются и у персонажа трагедии Сумарокова «Семира» Олега. Сопоставление этих героев позволяет установить, что драматург не только не избегает подвергнувшихся критике Тредиаковского черт, но и развивает созданную модель, совершенствует образ правителя-ипохондрика.

Ключевые слова: трагедия, А.П. Сумароков, В.К. Тредиаковский, ипохондрия, меланхолия

A.A. Petrov (St. Petersburg, Russia)

The “Hypochondriac” Hero in the Early Tragedies of A.P. Sumarokov

Abstract: V.K. Trediakovsky, criticizing the tragedy of A.P. Sumarokov “Khorev”, draws attention to the character of one of its heroes, Kiy, whom Trediakovsky calls “hypochondriac”. Those features that the critic probably invested in the definition of a hypochondriac are also represented in the image of another character Sumarokov: in the tragedy “Semira” they are found in Oleg, who also performs the function of a ruler. A comparison of these heroes allows us to establish that Sumarokov not only does not avoid the traits criticized by Trediakovsky, but also develops the created model, improves the image of the hypochondriac ruler. The special psychological certainty that this hero characterizes can be explained by the autopsychological principle of this character.

Key words: tragedy, A.P. Sumarokov, V.K. Trediakovsky, hypochondria, melancholy

Критикуя трагедию А.П. Сумарокова «Хорев» в «Письме... от приятеля к приятелю» 1750 г., В.К. Тредиаковский дает такую характеристику Кию, одному из центральных ее героев: «Что ж до Кия; его равнодушие весьма странное: он представлен от Автора то лехконравным, то тяжелонравным; иногда он у него весьма добрым человеком; а иногда чрезвычайно злым. Кий сей как некоторый флюгер: куда ветер ни подует, туда он и оборотится. Словом, Кий Авторов совершенный есть гипохондриак, или некоторый род сумасброда»¹. Определение персонажа Су-

¹ *Тредиаковский В.К.* Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю // Критика XVIII века. М.: Олимп, 2002. С. 102.

марокова как ипохондрика, пусть и высказанное в качестве претензии драматургу, кажется особенно знаковым в контексте ставших общим местом в критике и литературоведении обвинений трагедий писателя в отсутствии психологизма и как таковых характеров, вместо которых на сцене якобы демонстрируются отдельные чувства. Прежде всего, однако, следует разобраться с тем, какое значение Тредиаковский мог вкладывать в понятие ипохондрии.

Содержание понятия «ипохондрия» в XVIII в. кардинально отличалось от современного. Эволюцию представлений об этом явлении на европейской почве прослеживает в своей книге «История безумия в классическую эпоху» М. Фуко. Исследователь говорит о том, что конец XVII и XVIII в. – время осознания ипохондрии как душевной болезни. Если раньше это явление воспринимали исключительно с точки зрения физиологии, то «к концу XVII в. ипохондрия и истерия займут почти законное место на гербе душевной болезни. В 1755 г. ... Лёто... признает, что “ум в данном случае поврежден столько же, а быть может, и более, нежели тело”»¹. Четкого представления о том, что такое ипохондрия, как указывает Фуко, в эту эпоху не существовало: это явление сливалось с понятием истерии в «единый концепт – понятие “нервной болезни”»² до полной сущностной неразличимости: «Врачи классической эпохи не раз пытались установить, какими особыми качественными характеристиками обладают истерия и ипохондрия. Но им так и не удалось выявить в каждой из этих болезней ту внутреннюю логику, ту связность и единообразие качеств, которые обусловили особенный рисунок мании и меланхолии. На помощь призывались любые качества и свойства, но они вступали в противоречие и взаимно уничтожались, а вопрос, какова глубинная природа обеих этих болезней, оставался неразрешенным»³.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в России. Отчасти она была рассмотрена С.И. Николаевым в статье «Русские писатели XVIII в. о мотивации своих занятий литературным трудом»⁴, на глубоких и емких тезисах которой я отчасти и основываю свои суждения о данной проблеме. Словарь русского языка XVIII в. дает такое определение понятию «ипохондрия»: «Болезненное, угнетенное состояние; болезнь, сопровождающаяся болями, судорогами»⁵. Его некоторая размытость объясняется вполне естественными причинами. Как пишет в статье «Меленколия, которая болезнь называется хипохондрия» Е.С. Отин, «меланхолия (ипохондрия) воспринималась как тяжелая болезнь с нечетко устанавливаемыми причинами и внешними проявлениями. Постоянным признаком ее было лишь удрученное состояние больного. Неудивительно, что слово меланхолия врачами XVI–XVIII вв. употреблялось как своего рода универсальное название для многих разнохарактерных внутренних болезней»⁶. М.Д. Чулков в «Сельском лечебнике» 1790 г. выделяет как основной дифференциальный признак ипохондрии частую и немотивированную смену полярных настроений: «Сии больные в рассуждении тела находятся в жалком, а в рассуждении души в смешном состоянии. Душа ипохондриста отягощена ужасом, преисполненною печалию и вредным воображением,

¹ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ, 2010. С. 314.

² Там же.

³ Там же. С. 321.

⁴ Николаев С.И. Русские писатели XVIII века о мотивации своих занятий литературным трудом // XVIII век: Сб. 29. М.; СПб, 2017. С. 5–20.

⁵ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. СПб.: Наука, 1997. С. 84.

⁶ Отин Е.С. Меленколия, которая болезнь называется хипохондрия // Русская речь. 1986. №2. С. 131.

сменяющимся часто с беспутною веселостию и легкомыслием»¹. Люди XVIII в. не раз сами утверждали, что страдают ипохондрией. Например, тот же В.К. Тредиаковский в своей объяснительной записке в академическую канцелярию в 1758 г. пишет следующее: «Не упоминаю о престококой моей гипохондрии, которую как от сидения за письмом, так, мню, и от крайних печалей я себе получил»². (Проблема происхождения недуга при этом выходит за рамки настоящей работы, однако сама по себе представляет чрезвычайный интерес: напр., С.И. Николаев в своей статье говорит о том, что, по мысли представителей эпохи, это «заболевание» было связано с интеллектуальной деятельностью.)

Тема ипохондриии находилась, таким образом, в фокусе внимания русских мыслителей XVIII в. Рефлексия над этой проблемой, как и вообще над проблемой психических недугов, находила свое отражение и в творчестве писателей той эпохи: это продемонстрировано, например, в статье А.А. Костина «“Воззри на лишенного рассудка...” (“Дневник одной недели” как гносеологический опыт А.Н. Радищева)»³. По мысли В.К. Тредиаковского, во многом, как представляется, справедливой, ипохондрия стала организующим началом и для характера персонажа трагедии Сумарокова. Содержание этого понятия при отсутствии четкого определения следует выводить из сказанного самим Тредиаковским и из того, что писалось о ипохондриии в XVIII в. и отчасти было приведено выше: это резкая смена настроения, раздражительность, импульсивность, прямо влияющая на поступки человека. Двойственность как основную черту меланхолии (ипохондриии) выделяет в книге «История меланхолии» К. Юханнисон: «Меланхолик имел двойную природу и бросался из крайности в крайность: от гиперчувствительности к бесчувствию, от красноречия к немоте, от бешенства к апатии. Это противопоставление внешней благопристойности и скрытого насилия стало знаковым для западной культуры»⁴.

Представляется, что можно говорить о своего рода типе персонажа-«ипохондриика» в трагедиях Сумарокова. К нему относятся, по меньшей мере, два героя: Кий в трагедии «Хорев» и Олег в трагедии «Семира». Возможность для реализации этой черты заложена в той позиции, которую занимают герои в системе персонажей произведений: оба они правители, не подверженные страсти любовной или страсти ко злу и не замешанные прямо в любовном – центральном для этих произведений – конфликте, решающие судьбы своих подданных исходя не из корысти, а из общих представлений о власти и правосудии. Принятие этими героями решений сопряжено для них, однако, с внутренними конфликтами между разумом и гневом.

В четвертом действии трагедии «Хорев» Кий решает судьбу Оснельды, возлюбленной своего брата Хорева, которую он подозревает в попытке сбежать к своему отцу Завлоху и уговорить любовника обратить свое оружие против Кия. Изначально князь отказывается верить в виновность влюбленных, однако аргументы «первого боярина» Сталверха и те свидетели, которых он приводит, убеждают Кия в правоте обвинения. Правитель гневается на влюбленных – об этом свидетель-

¹ [Чулков М.Д.] Сельский лечебник, собранный из печатных сочинений по алфавиту. Ч. 1. [Вып. 4]: Буквы 3–И. М., 1790. С. 1107.

² Цит. по: Пекарский П. Материалы для биографии В.К. Тредиаковского // Зап. имп. Академии наук. 1866. Т. 9. Кн. 2. С. 176–177.

³ Костин А.А. «Воззри на лишенного рассудка...» («Дневник одной недели» как гносеологический опыт А.Н. Радищева) // XVIII век: Сб. 26. СПб., 2011. С. 302–312.

⁴ Юханнисон К. История меланхолии. М.: НЛО, 2009. С. 59.

ствуется обилие риторических восклицаний («Льзя ль чаять было мне, чтоб сделал ты измены!»¹, «Но, ах, к чему слова в сей крайности плодить?!», 68; и др.), уподобление Хорева «лютому зверю» («А ты, о лютый зверь...», 68) и змее («Не сына, но змею мне время днесь являет», 68). В финале того же монолога упоминается, однако, о теплых чувствах героя к Оснельде, казнить которую он собирается: «Да мой умножит гнев жестокою судьбою / И милосердие во злобу претворит, / Которое о ней мне в сердце говорит» (68). Следующее, шестое явление составляет краткая монологическая реплика Кия. Формально ее отделение от монолога из пятого явления мотивирует уход со сцены Сталверха, однако подлинная граница между фрагментами – интонационная:

Какую чувствую я в сердце жалость боле!
Или ее хочу оставить на престоле,
Чтоб, область восприяв с Хоревом в сей стране,
За милосердие она ругалась мне?! (68)

Здесь Кий прямо говорит о том, что, несмотря на якобы участие Оснельды в заговоре, он чувствует по отношению к ней жалость и даже размышляет (пусть в рамках, скорее, риторического вопроса) о возможности оставить ее на престоле.

Явление на сцене Оснельды и ее реплики, демонстрирующие гордость и непоколебимость («Казни, я милости просити не хочу! / Казни, я горький дух бесстрашно испущу!», 68), вновь возвращают интонацию Кия к предыдущему состоянию:

...Свирепая, твой взгляд
Оставит по тебе потомкам вечный смрад.
Нет, ты не от людей на свет произведена,
Ты лютой львицею в глухих лесах рожденна
Или воспитана ты тигриным млеком... (69)

Мы вновь видим здесь и яркую эмоционально окрашенную лексику, и «зооморфные» уподобления. То, что реплики героини заставляют Кия гневаться, от-рефлексировано и самим князем:

Не умножай во мне ты больше гнева люта, –
И так твоя пришла последняя минута! (69)

Итогом такого диалога становится решение о казни Оснельды, которое и приводится в исполнение.

Перемена настроений героя не имеет прямого отношения к развитию конфликта, поскольку сами сведения о виновности Оснельды и Хорева не соответствовали реальности. Трагическая ошибка Кия заключалась, таким образом, не в том, что он поддался гневу, а в неспособности отделить истину от лжи.

Иные варианты той же ситуации представлены в трагедии «Семира». Характеризуя своего отца, Ростислав говорит следующее: «Олегу, знаешь ты, свирепство необычно» (то же можно сказать и о Кие, который сам называет себя «щедролубцем»). При этом несколько раз на протяжении действия трагедии Олег впадает в состояние гнева. Впервые это происходит в ходе его диалога с Семирой в начале второго действия: от сугубо милостивого тона («Я все достоинства твои, Семира, чту», 200; и т. д.) в начале правитель постепенно приходит к резким, эмоциональным обвинениям («Обманут ты, мой сын, к Семире жар имея! / Я вижу твоего перед собой злодея!», 201) – однако уже в следующем явлении он вновь спокойно призывает героиню соединиться с его сыном («Восприими, княжна, ты мой со-

¹ Сумароков А.П. Хорев // Сумароков А.П. Драматические сочинения. Л.: Искусство, 1990. С. 68. Здесь и далее цитируется по этому изданию. Страницы указаны в скобках.

вет полезный», 203). Еще более ярким следует признать пример, когда характер Олега определяет само развитие действия. Узнав о заговоре Оскольда, в монологе, составляющем VII явление второго действия, Олег выражает свой гнев («Неблагодарный князь и дерзновенный раб, / Опасен граду ты, колико ты ни слаб! / Искореним врага», 206), однако в том же монологе он сменяет гнев на милость («...искореним, вещаю, / А в сердце я своем уже его прощаю!», 206); эти противопоставленные друг другу части отделены многоточием, передающим паузу, понижение интонации. Упорство Оскольда, напоминая реплики Оснельды в «Хореве», приводит к третьей вспышке гнева («Ты в мысли, гордый враг, свирепство мне вселяешь / И щедролюбие мне в сердце утоляешь», 207). За время разговора Оскольда с Ростиславом, очевидно, Олег несколько охладевает и вновь готов явить милость («Погибель я твою еще останавливаю / И щедролюбие еще тебе являю», 210), однако отрицательный ответ вновь порождает гнев («В лютоści своей умри, злодей, умри!» (210) – экспрессивность этой фразы создается и повтором слова «умри», и, конечно, обращением). Вызванное Оскольдом раздражение Олег переносит и на сына (потрясающая психологическая достоверность!): «Не раздражай меня, или предай ему! / Ты смел передо мной, моей противясь воле. / Оставь меня, являй свое ты смельство в поле!» (211).

С монологом, ставшим реакцией Олега на поступок Оскольда, соотносится другой, также двухчастный – в финале второго действия. Здесь монарху нужно решить судьбу плененного им врага. Правитель понимает, что более правильным, в большей степени соответствующим категории долга был бы смертный приговор («Умреть тебе, конечно, надлежит!», 211; «Исчезни, жалость, ты умолкни, милость, ныне», 212). Более того, Олег осознает, что смерть – судьба Оскольда («И не противьтеса Оскольдовой судьбине!», «Спасенья нет тебе, хотя отсрочен суд!», 212), однако сам он не готов быть орудием судьбы. В.М. Волькенштейн в книге «Драматургия», исходя из своей общей концепции драматической борьбы, «удары» в которой – реплики, указывает, что любой монолог «является замаскированным диалогом»¹, причем его диалогическая сущность может включать и воздействие героя на самого себя, что, как представляется, и проявлено здесь наиболее полно наряду с обращениями к Оскольду и правосудию. Зная свой характер, Олег понимает, что вынесенный им приговор – плод гнева, состояния, отходящего от нормы, и, признавая этот гнев праведным, он оказывается способен отменить порожденную им жестокость («Гнев хоть праведен, жестокость утолится»). Таким образом, речь должна идти о двойном конфликте между долгом и чувством – один противонаправлен другому:

Долг	Страсть
Наказание Оскольда	Любовь к Оскольду
Милосердие	Гнев

Согласно высказанной Кием в трагедии «Хорев» формуле «Быть должен праведен, и строг, и милосерд», долг идеального правителя – проявлять строгость и милосердие «праведно», в зависимости от требований справедливости, и в этой ситуации двойной оппозиции, выбирая страсть, Олег одновременно выбирает в другой паре и долг, что оправдывает его.

Осуждая Ростислава, Олег не испытывает гнева: «Но, – о плачевный день! – то все переменя, / Героя, сына, все ты отнял у меня!» (233) и т. д. Оппозиция долга и

¹ Волькенштейн В.М. Драматургия. М.: Сов. писатель, 1969. С. 69.

страсти здесь уже однозначна, поэтому правитель и не может помиловать своего сына, как помиловал Оскольда.

Таким образом, сюжетной ситуации «Хорева» соответствуют два аналогичных положения в «Семире», однако вина героев здесь является уже не мнимой, а истинной, т. е. верное или ошибочное решение правителя зависит не от того, из каких фактических посылок он исходит, а от его внутренних мотивов. Здесь «ипохондрия» героя, явленная в «Хореве» как побочная черта образа, начинает играть сюжетообразующую роль, а сам образ правителя-ипохондрика получает свое развитие.

Описанный тип выделяется среди всех сумароковских персонажей удивительной глубиной психологической мотивировки и точностью ее изображения. Объяснение такой его выделенности видится в своего рода автопсихологическом начале характеров персонажей. Раздражительность, мнительность, эмоциональная неуравновешенность – те черты А.П. Сумарокова, которые отмечали практически все, кто писал о личности этого литератора (от сугубо негативной окраски: напр., В.Г. Белинский говорит о «характере мелком, завистливом, хвастливом, задорном и раздражительном»¹, – до попыток объективного взгляда на эти характеристики: напр., Н.А. Гуськов в пособии «А.П. Сумароков. Личность. Эстетические взгляды» характеризует писателя так: «...страстная, импульсивная, часто нетерпимая к ближнему, но ранимая, мнительная, нередко подлинно страдающая натура»²). Сам Сумароков в личной переписке не раз говорил о своей ипохондрии: «Будучи боле полугода болен, я по все сие время не сочиняю и ничего не читаю: толико меня гипохондрия преодолела»³, «О, дабы Всевышний вложил в сердце ваше милосердое ко мне снисхождение и оживил бы мою увядающую жизнь, подверженную жесточайшей ипохондрии!»⁴, «А я наглостию князя У<русова> столько тронут был, огорчаясь, что по сие время, умножив мою гипохондрию, мучуся»⁵. Описываемое Сумароковым, скорее, подходит под определение меланхолии, однако для сознания XVIII в. второй недуг был более высокой степенью первого. Это ясно, например, из того же письма В.К. Тредиаковского, в котором тот говорит о своей ипохондрии: «Но сколько печалей, кои меня в крайнее изнеможение по степеням приводят, и дивлюсь, как давно не привели уже в совершенную меланхолию, о том доношу здесь канцелярии, ибо им всем начало и продолжение есть по причине Академии»⁶. Как верно замечает С.И. Николаев, «писатели до последней трети XVIII в. путались в терминологии и в то же время смешивали строго медицинское и философско-эстетическое содержание терминов ипохондрия и меланхолия»⁷. Так или иначе, Сумароков и в представлении своих современников, и, возможно, отчасти в собственном представлении соответствовал тому типу ипохондрика, который Тредиаковский усмотрел в образе Кия. В этой связи возникают вопросы о том, насколько осознанным было повторение и развитие этой черты в образе Олега и насколько отрефлексирован был сам этот автопсихологизм, – однако им, увы, суждено остаться без ответа.

¹ Белинский В.Г. Речь о критике... А. Никитенко // Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 5. М., 1979. С. 93.

² Гуськов Н.А. А.П. Сумароков. Личность. Эстетические взгляды: учеб. пособие. СПб.: Фак. филологии и искусств С.-Петербур. гос. ун-та, 2009. С. 3.

³ Письма русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1980. С. 97.

⁴ Там же. С. 134.

⁵ Там же. С. 150.

⁶ Цит. по: Пекарский П. Материалы для биографии В. К. Тредиаковского. С. 176–177.

⁷ Николаев С.И. Русские писатели XVIII века о мотивации своих занятий литературным трудом. С. 15.

ЛИТЕРАТУРА

Белинский В.Г. Речь о критике... А. Никитенко // Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. Т. 5. М., 1979. С. 434–482.

Волькенштейн В.М. Драматургия. М.: Сов. писатель, 1969. 336 с.

Гуськов Н.А. А.П. Сумароков. Личность. Эстетические взгляды: учеб. пособие. СПб.: Фак. филологии и искусств С.-Петербур. гос. ун-та, 2009. 28 с.

Костин А.А. «Воззри на лишенного рассудка...» («Дневник одной недели» как гносеологический опыт А.Н. Радищева) // XVIII век: Сб. 26. СПб., 2011. С. 302–312.

Николаев С.И. Русские писатели XVIII века о мотивации своих занятий литературным трудом // XVIII век: Сб. 29. М.; СПб, 2017. С. 5–20.

Отин Е.С. «Меленколия, которая болезнь называется хипохондрия» // Русская речь. 1986. №2. С. 130–135.

Пекарский П.П. Материалы для биографии В.К. Тредиаковского // Зап. имп. Академии наук. Т. 9. Кн. 2. СПб., 1866. С. 176–177.

Письма русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1980. 473 с.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. СПб.: Наука, 1997. 270 с.

Сумароков А.П. Семира // Сумароков А.П. Драматические сочинения. Л., 1990. С. 189–246.

Сумароков А.П. Хорев // Сумароков А.П. Драматические сочинения. Л., 1990. С. 36–82.

Тредиаковский В.К. Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю // Критика XVIII века. М.: Олимп, 2002. С. 97–112.

Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ, 2010. 698 с.

[*Чулков М.Д.*] Сельский лечебник, собранный из печатных сочинений по алфавиту. М.: Тип. Пономарева, 1790. 2082 с.

Юханнисон К. История меланхолии. М.: НЛО, 2011. 320 с.

REFERENCES

Belinsky V.G. Speech about Criticism... A. Nikitenko In: Belinsky V.G. Collected Works: In 9 vols. Vol. 5. Moscow. 1979, pp. 434–482.

[Chulkov M.D.] (1790) A Village Medical Book Compiled from Printed Essays in Alphabetical Order. Moscow. Printing House Ponomarev Publ. 2082 p.

Dictionary of the Russian Language of the 18th century (1997). Issue 9. St. Petersburg. Nauka Publ. 270 p.

Foucault M. (2010) The History of Madness in the Classical Era. Moscow. AST Publ. 698 p.

Guskov N.A. (2009) A.P. Sumarokov. Personality. Aesthetic Views: Textbook. St. Petersburg. SPbU Press. 28 p.

Kostin A.A. “Look at the Man Deprived of Reason ...” (“Diary of One Week” as the Epistemological Experience of A.N. Radishchev). In: 18th Century: Coll. 26. St. Petersburg. 2011, pp. 302–312.

Letters of Russian Writers of the 18th century (1980). Leningrad. Nauka Publ. 473 p.

Nikolaev S.I. Russian Writers of the 18th century about the Motivation of their Studies in Literary Work. In: 18th Century: Coll. 29. Moscow; St. Petersburg. 2017, pp. 5–20.

Otin E.S. “Melencolia, which is a Disease Called Hypochondria”. *Russkaya Rech.* 1986. No 2, pp. 130–135.

Pekarsky P.P. Materials for the Biography of V.K. Trediakovsky. In: Notes of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 9. Book 2. St. Petersburg. 1866, pp. 176–177.

Sumarokov A.P. Khorev. In: Sumarokov A.P. Dramatic Works. Leningrad. 1990, pp. 36–82.

Sumarokov A.P. Semira. In: Sumarokov A.P. Dramatic Works. Leningrad. 1990, pp. 189–246.

Trediakovsky V.K. Letter, which Contains a Discussion of the Poem, Still Published from the Author of Two Odes, Two Tragedies and Two Epistles, Written from Friend to Friend. In: Criticism of the 18th century. Moscow. 2002, pp. 97–112.

Volkenstein V. M. (1969) Dramaturgy. Moscow. Sovetsky Pisatel Publ. 336 p.

Yuhannison K. (2011) History of Melancholy. Moscow. NLO Publ. 320 p.

Сведения об авторе:

Андрей Алексеевич Петров,

магистрант

филологический факультет

Санкт-Петербургский государственный
университет

Andrei A. Petrov,

Master Student

Faculty of Philology

St. Petersburg State University

sinavitrivor@mail.ru